

Бобров, А. Ещё одно забывчивое слово : двойственная жизнь А. Фета / А. Бобров – Текст : непосредственный // Российская газета. – 2001. – 26 янв. – С. 26.

ЕЩЕ ОДНО ЗАБЫВЧИВОЕ СЛОВО...

Двойственная жизнь Афанасия Фета

беременную фразу Фет. Но от кого зачавшую?

Современный исследователь Г.П. Блок обнаружил переписку Шеншиных и Беккеров, из которой ясно, что отец Афанасия — точно не владелец Новоселок (значит, у Фета — ни доли русской крови?), но самое удивительное: и Иоганн Фет отрицал отцовство Афанасия. Тем-на тайна сия...

Но мы вернемся к горькой судьбе отрока, потерявшего в 14 лет дворянство, наследство, фамилию и ставшего чужестранцем, а по матери — Фетом (с утратой буквы "в"). Духовные власти Орла с опозданием обнаружили, что мальчик

наиболее уныние наводящими словами для меня всегда были: гулять, кататься, ехать". В это же время приступающий к "Воспоминаниям" лирик вопиет о другом:

*Хочу нестись к тебе, лететь,
Как волны на равнине водной,
Поцеловать гранит холодный,
Поцеловать и умереть!*

Фет в 1843 году напечатал в "Отечественных записках" свою поэтическую декларацию, которая вошла в обиходную речь: "Я пришел к тебе с приветом рассказать, что солнце встало...", но уходит поступать в кавалерийский полк, чтобы через получение чина вернуть

Фет прямо обращался к Тютчеву в стихах: "Мой обожаемый поэт..." (может быть, поэтому в справочниках прижилась дата рождения Фета 5 декабря — в один день с Тютчевым!). Ему подспудно не хватало тютчевской цельности и гармонии. Не в лирике — в судьбе. Как-то в письме к великому князю К. Романову он поэтической строкой описал разноликость своего портрета: "Солдат, конезаводчик, поэт и переводчик". Но камергер двора императорского величества — добавим мы — он в лирике перевоплощался:

*Я повторял: "Когда я буду
Богат, богат!
К твоим серьгам по изумруду
Какой наряд!"...
В моей руке — какое чудо!
Твоя рука,
И на траве два изумруда —
Два светляка.*

ВЛАДЕЛЕЦ усадьбы и квартиры в Москве, разбогатевший придворный Шеншин, вернувший свою фамилию и титул с соизволения Александра II только в 53 года, такого бы сентиментализма Фета не разделил. Немецкая суть его натуры не могла примириться со многим в русской действительности. Например, он решил платить нанятым на страду работникам не поровну, а по результатам труда. Поднялся ропот. Он позвал работников и начал терпеливо объяснять: "Вы понимаете, что у людей разные силы, навыки, хватки?" — "Как не понять, барин!" — "Ну следовательно, и получать они должны по труду. Ясно?" — "Куда яснее, барин... Но если не поровну будешь платить — всей артелью уйдем". Автор "Записок о вольнонаемном труде" стенал и не мог этого понять, но, как русский публицист, он пишет о "стройности" поведения, о сбережении чести и национальной культуры: "...Русский, в душе француз, англичанин или швейцарец, явление уродливое. Он — ничто — мертвец; океан русской жизни должен выкинуть его вон, как море выбрасывает свою мертвечину". То есть немец Фет, как и датчанин Даль, снова доказал, что понятие "русский" — не кровное, а духовное, выпестованное судьбой и собственным выбором.

Фет восторгался циклом Тютчева, посвященным Денисьевой, но воспринимал его как упрек себе: влюбившись в бесприданницу Марию Лазич, он прагматично — ради офицерской карьеры оставляет ее. Мария умирает через два года, а через треть века (!) Фет разражается покаянными исповедальными стихами: "Ты отстрадала, я еще страдаю..." или этими, колени преклоненными:

*...И только чувствую,
что ты вот тут — со мною,
Со мной! — и молодость,
и суетную честь,
И все, чем я дышал,
— блаженною мечтою
Лечу к твоим ногам
младенчески припасть.*

Все чаще поэт, призванный "разметать путь перед собою, а не за собою", обращается к прошлому и создает великую книгу "Вечерние огни". Именно про эти стихи Толстой провидчески написал: "Они очень компактны, и сиянье от них очень далекое".

Доходит ли до нас это сияние, становится ли оно лично близким — зависит от самого читающего. Фету уже 180 лет, но как не вспомнить с восторгом, что в семидесятилетнем возрасте он пишет стихотворение "На качелях":

*И опять в полусвете ночном
Средь веревок, натянутых туго,
На доске этой шаткой вдвоем
Мы стоим и бросаем друг друга.*

Как это восхитительно, дерзко и — моложе иной современной поэзии!

Александр БОБРОВ,
кандидат филологических наук.

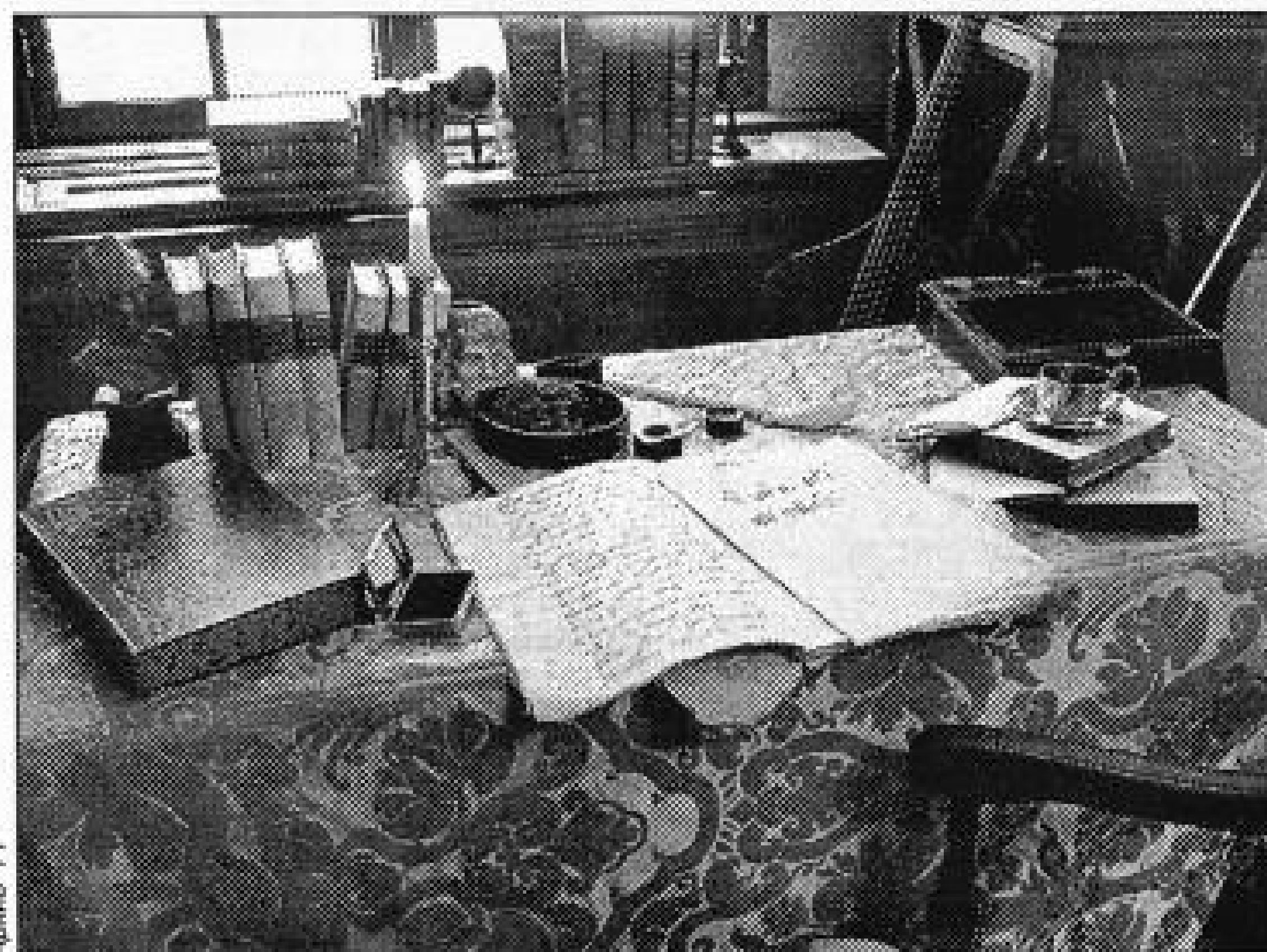
ТОЧНАЯ дата рождения Афанасия Фета неизвестна. Сам он считал — 23 ноября, то есть 6 декабря по новому стилю, некоторые исследователи считают, что 29 ноября (12 декабря). Впрочем, с этим именем связаны две главные тайны — мрак происхождения и вечная загадка его лирики...

Неоспоримое для русской лирики "первое правило поэзии", выведенное еще Батюшковым, — "пиши, как живешь" — более всего неприменимо к судьбе Фета. Искренний почитатель его поэзии Тургенев спокойно и правдиво аттестовал своего друга как "закоренелого крепостника, консерватора и поручика старого закала". Богатый помещик, исполняющий должность мирового судьи, писал на волне общественного подъема, вызванного отменой крепостного права в 1861 году:

*Какая грусть! Конец аллеи
Опять с утра исчез в пыли,
Опять серебряные змеи
Через сугробы поползли.*

И буквально тут же: "Чем тоске, я не знаю, помочь; грудь прохлады свежительной ищет..." Вот! — злословили прогрессисты — ему не нравится такое время! А поэт просто слышал иную — горную — грусть... Он писал: "Если спросить, как называются все страдания, все горести моей жизни, я отвечу: имя им — Фет".

В Орловской губернии, в тех же краях русского поддательства, что дали русских гениев от Толстого до Тютчева, в имении Новоселки появился на свет в 1820 году незаконно рожденный сын немки Шарлотты Фет и отставного гвардейца, потомственного дворянина Афанасия Шеншина. Новорожденного тоже назвали Афанасием и подложно записали как законного сына русского дворянина, умыкнувшего с курорта в Германию урожденную Беккер (знаменитая теперь теннисная фамилия): как оказалось,

родился до брака Шарлотты и Афанасия Шеншина. Это был страшный удар для ученика дворянского пансиона, ставшего изгоем. Роковой поворот определил всю дальнейшую судьбу и родил напряженный, ранимый, сосредоточенный на внутреннем мире строй фетовской лиры.

"По твоим стихам, — точно писал Полонский, — невозможно написать твоей биографии или даже намекать на события из твоей жизни". И напротив, добавим мы: довольно скучное чтение — два тома его "Воспоминаний" не намекают на биографию лирика. Он пишет: "Самое ненавистное для меня в жизни — это передвижение моего тела с места на место, и поэтому

дворянство. И тут не повезло: дослужился через 20 лет до поручика, но вышел царский указ — дворянство может дать только чин полковника. Фет вышел в отставку и купил землю...

Однако напряжение, двойственность внешней жизни Фета переплывались в нежнейшую лирику, может быть, составляя ее главный внутренний нерв ("что не выскажешь словами"), который заставил сказать Некрасова, что Фет "в доступной ему области такой же господин, как Пушкин в своей, более обширной и многосторонней области". Как он точно постиг! А ведь их сравнивали, стравиливали те, кто не понимал, что Некрасов — тоже господин, но в своей "доступной области".